А. В. Григоровская

https://orcid.org/0000-0002-9282-313X
✉ *agrigorovskaya@hse.ru*
Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (Россия, Москва)

Энергетическая эволюция и трансформация человека в русских и зарубежных утопиях

Аннотация. В статье анализируются взаимосвязи источников энергии и человеческой культуры в русских и зарубежных утопиях. Автор рассматривает основной способ корреляции между энергетической и антропологической эволюцией, заключающийся в их взаимном влиянии друг на друга. Утопические произведения демонстрируют эту взаимозависимость достаточно очевидно. В ранних утопиях (Платон, Т. Мор, Т. Кампанелла) технологическая стагнация (у Ф. Бэкона — стремление к модернизации) сочетается с тоталитарным устройством социума. Бэконовская модель воспроизводится в романе советского писателя И. А. Ефремова «Туманность Андромеды», однако у него открытие и внедрение инновационных источников энергии сопровождается качественным изменением человека и общества. В романе Айн Рэнд «Атлант расправил плечи» мотив «вечного двигателя» органично сочетается с мотивом трансформации человека. О «вечном двигателе» писал и Н. Г. Чернышевский, в своих рассказах подчеркивавший неразрывную связь «энергетического» и «антропологического». Анализ современных тенденций развития данной темы (на примере романа К. С. Робинсона «Министерство будущего») позволяет сделать вывод о возрождении тоталитарных нарративов в утопии, навязывающих человечеству неизбежность быстрого энергетического перехода.

Ключевые слова: энергетическая эволюция, энергетический переход, антропологическая утопия, трансформация человека, утопия, русская утопия, зарубежная утопия, ранние утопии, И. А. Ефремов, Н. Г. Чернышевский, Айн Рэнд, К. С. Робинсон

Благодарности. Исследование осуществлено в рамках Программы фундаментальных исследований НИУ ВШЭ.

Для цитирования: *Григоровская А. В.* Энергетическая эволюция и трансформация человека в русских и зарубежных утопиях // Шаги/Steps. Т. 10. № 1. 2024. С. 187–206.

https://doi.org/10.22394/2412-9410-2024-10-1-187-206

CC BY

Поступило в редакцию 10 мая 2023 г.; принято к печати 21 мая 2023 г.

© А. В. ГРИГОРОВСКАЯ

A. V. Grigorovskaya
https://orcid.org/0000-0002-9282-313X
✉ *agrigorovskaya@hse.ru*
HSE University (Russia, Moscow)

Evolution of energy and the transformation of man in Russian and foreign utopias

Abstract. The article analyzes the relationships between the sources of energy and of human culture in Russian and foreign utopias. The author considers the main way of correlation between the evolution of energy and anthropological evolution, which involves their mutual influence. Utopian texts demonstrate this interdependence quite clearly. Technological stagnation is combined with the totalitarian structure of society in the early utopias: in texts by Plato, Thomas More, Tommaso Campanella (in Francis Bacon's utopia it is the pursuit of modernization). Bacon's model is reproduced in the novel *Andromeda Nebula* by the Soviet writer Ivan Yefremov, however, the discovery and the implementation of innovative energy sources in this utopia is accompanied by a qualitative change of human beings and society. In Ayn Rand's novel *Atlas Shrugged* the motif of the "perpetuum mobile" is organically combined with the motif of human transformation. Nikolai Chernyshevsky also wrote about the "perpetuum mobile": in his stories he emphasized the inextricable link between "energy" and "anthropology". Analysis of current trends in the development of this topic (as seen, for example, in Kim Stanley Robinson's novel *The Ministry for the Future*) allows us to conclude that totalitarian narratives in utopia are being revived. These totalitarian narratives impose on humankind the inevitability of rapid energy transition.

Keywords: evolution of energy, energy transition, anthropological utopia, transformation of man, utopia, Russian utopia, foreign utopia, early utopias, Ivan Yefremov, Nikolai Chernyshevsky, Ayn Rand, Kim Stanley Robinson

Acknowledgments. The study was implemented within the framework of the Basic Research Program at the National Research University Higher School of Economics (HSE University).

To cite this article: Grigorovskaya, A. V. (2024). Evolution of energy and the transformation of man in Russian and foreign utopias. *Shagi / Steps, 10*(1), 187–206. (In Russian).

https://doi.org/10.22394/2412-9410-2024-10-1-187-206

Received May 10, 2023; accepted May 21, 2023

© A. V. GRIGOROVSKAYA

1. Энергия и человеческая культура: как и почему они взаимосвязаны

Энергетическая эволюция[1] — одна из магистральных тем, которая волнует не только ученых естественнонаучной ориентации, но и гуманитариев. Исследования, которые устанавливают тонкую, но не всегда очевидную связь между потреблением источников энергии и эволюцией человеческой культуры, относятся к междисциплинарной области науки, объединяющей антропологию, культурологию, историю и социологию.

Программной статьей в этой области является работа Л. А. Уайт [White 1943]. В ней идет речь о том, что цивилизации представляют собой не что иное, как формы организации культуры. Проходя через различные стадии развития, цивилизация постепенно наращивает свой энергетический потенциал. Уайт дает объяснение того, почему доминирующий в ту или иную эпоху источник энергии определяет уровень развития культуры и в конечном итоге уровень развития среднего человека в этой культуре: все дело в количестве энергии на душу населения за единицу времени. Иными словами, чем меньше энергии человек тратит на то, чтобы добыть себе необходимые для жизни ресурсы, тем сильнее развивается человеческая культура, так как у людей высвобождается время для занятий интеллектуальным трудом и искусством.

Кроме корреляции между динамикой развития культуры и потреблением того или иного вида энергии, существует также прямая связь между последним и социальной организацией общества. И если Уайт отождествляет технологическую и социальную эволюции, то, например, В. Смил, напротив, подчеркивает, что эта связь не столь однозначна: обладание богатыми энергетическими ресурсами не гарантирует экономический успех той или иной стране (ловушка так называемого сырьевого проклятия) [Smil 2004]. Так или иначе, социальная система, несомненно, влияет на энергетическую эволюцию (обратная связь также прослеживается), что подробно рассмотрено в уже упомянутой работе Уайт: с одной стороны, социальная система может сдерживать энергетическую эволюцию, с другой — энергетическая эволюция вызывает смену одной социальной формации на другую.

А. Е. Эткинд рассматривает, как ресурсы меняют границы между странами, их экономический уклад, образ жизни людей в них. Автор отмечает тесную связь между использованием ресурса и функционированием государства, вплоть до его географического положения: «Экономику, зависи-

[1] Данный термин не является общеупотребительным. Немецкий термин *Energiewende* ‘энергетический переход / энергетическая революция’ не синонимичен ему, так как ассоциируется исключительно с переходом к экологически чистой энергетике (хотя это и неверно: под энергетическим переходом следует понимать любое изменение в энергетической системе). В настоящей статье под «энергетической эволюцией» понимается качественное изменение энергетического ресурса, доминирующего в ту или иную эпоху в той или иной стране, вызывающее эволюцию человека и социума.

мую от ресурсов, определяет география» [Эткинд 2020: 91]. Очевидно, что ресурсы, их природа, качество и способ добычи непосредственно определяют все сферы человеческой жизни. Говоря об энергетической эволюции, мы неизбежно касаемся таких вопросов, как трансформация общественно-политических институтов, форм социального взаимодействия, доминирующих форм культуры. Изменение источника энергии вызывает эффект домино, меняя общество на всех уровнях его функционирования, но что важнее всего — это изменение касается и самого человека, его сознания и морали. Будучи формой модернизации общества, энергетическая эволюция всегда происходит параллельно с эволюцией антропологической.

В практическом отношении проблема взаимосвязи энергии и человеческой культуры встала в полный рост в 1968 г., когда итальянский ученый Аурелио Печчеи создает Римский клуб, международную организацию, цель которой — изучение глобальных проблем развития человечества. Одной из важнейших члены Римского клуба, ученые из разных стран, признали проблему энергетических ресурсов, их добычи, потребления и влияния на окружающую среду, но что еще более важно — связи источников энергии с моралью человечества. Ключевым тезисом, высказанным Печчеи в докладе «Человеческие качества» (1980), выступает признание факта нарушения равновесия между материальным прогрессом и социокультурной жизнью человека. Усложнение техники, которое к середине XX в. достигло масштабов, небывалых в истории современной цивилизации, не привело к эволюции человеческих качеств, что, в свою очередь, повлекло за собой глобальный кризис. Суть этого кризиса заключается в том, что человек оказался неспособен осознать ту ответственность, которая соответствует его новой роли хозяина мира: «...неспособность человека подняться до уровня, соответствующего его новой могущественной роли в мире, осознать свои новые обязанности и ответственность в нем» [Печчеи 1985: 43]. В более раннем докладе «За пределами века расточительства» (1978) члены Римского клуба — лауреат Нобелевской премии в области физики Деннис Габор (Великобритания) и экономист Умберто Коломбо (Италия) — утверждают, что для удовлетворения базовых потребностей растущего населения в энергии, продовольствии и сырье необходимо ускорить внедрение альтернативных источников энергии, что будет сопровождаться рядом технических и социальных проблем [Там же: 201]. Центральной из этих проблем выступает социальная и культурная подготовка нового общества к этому великому энергетическому переходу, иными словами — новые источники энергии требуют новой философии.

Вопрос о взаимодействии человека с энергетическими ресурсами выступает одной из важнейших, хотя до сих пор недостаточно изученных тем такого феномена интеллектуального творчества, как утопия. С момента своего появления в античности утопия была сосредоточена на идее трансформации социума, а позже, в Новое время, — и человека. Эволю-

ция утопического метажанра из псевдодокументального трактата в художественный текст (обычно роман) не отменяет того факта, что источник энергии, обеспечивающий функционирование утопического общества, в той или иной степени оказывается в фокусе внимания автора.

2. Тоталитаризм и технологическая стагнация в ранних утопиях

Формы общественного устройства, предлагаемые первыми утопистами, сегодня однозначно характеризуются как тоталитарные (см., например: [Шафаревич 1977]). Еще в «Государстве» (360 до н. э.) Платона была заложена «мина замедленного действия», которая впоследствии взорвется в странах, поставивших социальный эксперимент над своими гражданами. Платон мало внимания уделяет тому, как будет развиваться его идеальное государство, и причина этого в том, что никакого развития у государства, замкнутого в строгой кастовой системе, закрытого и функционирующего с помощью жесткой цензуры и пропаганды, быть не может. Но Платон создает всего лишь намек на такого Левиафана, его прообраз. Его идею подхватывает Томас Мор, который уже пишет подробную инструкцию.

В «Золотой книге» (1516) Мора, наряду с описанием политического и социального устройства государства, имеется указание на общее занятие всех утопийцев, вполне традиционное для раннего этапа развития человечества, — земледелие. Мор подчеркивает, что от него «никто не избавлен» [Мор 1989: 65]. Необходимость заниматься земледелием, причем самым примитивным (в тексте нет упоминания каких-то приспособлений для обработки земли, облегчающих работу), безусловно, связана с технической неразвитостью этого общества, которое имеет патриархальный уклад, ремесла делятся на мужские и женские, а предрасположенность к тому или иному их виду передается по наследству. Само по себе земледелие серьезно продвинуло вперед человеческую культуру, создав цивилизации Месопотамии, Египта, Греции, Рима и др.[2], но попытка Мора затормозить развитие Утопии с помощью «консервации» ее общественно-политического устройства не дает этому государству возможность обнаруживать новые способы обработки земли, а значит, лишает его шанса на эволюцию.

В Утопии поощряется размывание границ между личным и общественным, в результате человек вообще перестает осознавать собственную индивидуальность. Общественные столовые, в которых необязательно принимать пищу всем (но в то же время считается «непристойным» готовить у себя дома) и где осуществляется ненавязчивый, но всеобъемлющий контроль над каждым, — лишь один из мотивов, перекочевавший в русскую утопию в XIX в. («Что делать?» Н. Г. Чернышевского) и переосмысленный как важнейший элемент тоталитарного государства уже в XX в. Е. И. Замятиным («Мы»). Расширение личного «Я» до границ государственного «Мы» приводит такое общество к тому, что правильным и

[2] Подробнее об этом см.: [White 1943].

полезным становится лишь то, в чем заинтересовано непосредственно государство, важнейшей целью которого является сохранение существующего порядка вещей на максимально долгое время (желательно навсегда). Развитие технологий, принципиально меняющих существующую культурную парадигму общества, в приоритеты такого государства не входит, так как подрывает его основы, главной из которых выступает вера утопийца (обеспечиваемая в том числе с помощью института Церкви, когда атеиста «не признают даже человеком» [Мор 1989: 117]) в необходимость существующего порядка вещей. Следовательно, такое общество может существовать исключительно на бумаге, а попытка воплотить его в жизнь приведет к разрушению из-за столкновения с реальностью.

«Город Солнца» (1602) Т. Кампанеллы — другая утопия этого же периода, в которой модернизируются земледелие и судоходство: в тексте упоминаются и «телеги, оснащенные парусами, которые могут двигаться против ветра», и «тайные средства, которые ускоряют всходы, умножают урожай и предохраняют семена», и «особые суда и галеры, ходящие по морю без помощи весел и ветра, посредством удивительно устроенного механизма» [Кампанелла 1989: 166–167]. Кампанелла также «отменяет» институт рабства, у Мора выступающий неотъемлемой частью государственной системы Утопии, благодаря которой, собственно, и удерживается ее равновесие. Однако он, как и Мор, не выходит за пределы жесткой тоталитарной системы, в которой человек остается фактически неизменным, несмотря на процессы модернизации.

Ф. Бэкон в «Новой Атлантиде» (1627) конструирует общество, высшей целью которого провозглашается «познание причин и скрытых сил всех вещей и расширение власти человека над природою, покуда все не станет для него возможным» [Бэкон 2022: 262]. Философ в своем сочинении упоминает уже не только «различные способы изготовлять перегной и сложные удобрения, делающие почву более плодородной» [Там же], но и новые виды энергии:

> Там получаем мы более быстрое движение, чем, например, полет мушкетной пули или что-либо другое, известное вам; а также учимся получать движение с большей легкостью и с меньшей затратой энергии, усиливая его при помощи колес и других способов, — и получать его более мощным, чем это умеете вы, даже с помощью самых больших ваших пушек и василисков [Там же: 270].

Отличительной особенностью бэконовской модели мироустройства выступает предельный герметизм Новой Атлантиды, сочетающийся с «воровством идей» из внешнего мира[3]. Дом Соломона является полно-

[3] И. С. Каспэ так объясняет это кажущееся противоречие: «Утопия ‹...› осторожно подпитывает свои смысловые запасы, поглощая все, что может ей пригодиться, однако чаще всего делает это тайно, избегает прямого взаимодействия, не передает дальше присвоенные ресурсы, а если и передает ‹...›, то в такой форме, которая не предполагает ответа. Иными словами, утопия пытается исключить себя из процедур обмена...» [Каспэ 2018: 82].

стью автономной организацией, неподконтрольной ни правительству, ни народу, и неизвестно, как распоряжаются своей безграничной властью ученые. Читатель ничего не узнает о том, как меняются культурная парадигма и человек в таком постоянно модернизирующемся обществе. Очевидно, что не меняются, ведь большинство открытий, видимо, просто не входят в повседневную жизнь среднего человека и оказываются засекреченными: получается «наука ради науки». То есть перед нами снова случай технологической стагнации, несмотря на огромный научный прогресс, — и снова вследствие тоталитарного устройства общества, которое препятствует модернизации.

3. Антропологическая утопия и модернизация в «Туманности Андромеды» И. А. Ефремова

Модель технократической утопии Ф. Бэкона окажется весьма востребованной в XX в. в Советской России. Так, сообщество ученых, в духе «Новой Атлантиды» посвятивших свою жизнь «поискам света», становится главным объектом изображения в утопии И. Е. Ефремова «Туманность Андромеды» (1957). Невозможно согласиться с выводами К. Г. Фрумкина, автора недавно вышедшей книги о романе, называющего его «завершением — или одним из завершающих текстов — в истории западной коммунистической утопии и при этом ‹...› одним из самых наглядных и подробных описаний коммунистического будущего в истории советской идеологии» [Фрумкин 2021: 16]. Утопия Ефремова явно нарушает все каноны официальной советской доктрины: по меткому замечанию Л. Геллера и Ф. Никё, в романе «советская реальность показывается лишь как инверсия» [Геллер, Никё 2003: 221]. Это выражается в первую очередь в форме политической организации общества в тексте, которая представляет собой прямую демократию, когда все важнейшие решения принимаются путем всеобщего голосования. В частности, проблема регулирования научных открытий, поставленная в утопии Бэкона, получает у Ефремова новое звучание: поскольку все население Земли занимается наукой, то и решения о продолжении тех или иных исследований принимает все человечество, а не элита Дома Соломона, в руках которой сосредоточена вся полнота власти.

Возникновение такого устройства социума прямо связывается Ефремовым с появлением инновационных источников энергии, позволивших человечеству полностью изменить свой общественный уклад: «Астрономы открыли путем изучения физики далеких звезд два новых пути получения внутриатомной энергии — Ку и Ф, гораздо более действенные и не оставляющие опасных продуктов распада» [Ефремов 2000: 53]. Это открытие сделало возможным создание Великого Кольца, объединившего земное человечество с иными цивилизациями, что вывело его развитие на абсолютно новый уровень. Но еще раньше люди преодолели проклятие суверенного государства («нелепое раздельное существование своих народов» [Там же: 143]), которое не позволяло им решать проблемы

глобального уровня, связанные с климатом, экологией, перенаселением, нищетой и социальным расслоением: «Но неизбежно и неуклонно новое устройство жизни распространилось на всю Землю, и самые различные народы и расы стали единой, дружной и мудрой семьей» [Там же: 49]. Под маской победы коммунизма во всем мире Ефремов «спрятал» распространение глобализации в планетарных масштабах, и отнюдь не на основах советской парадигмы, уже во время написания романа переживавшей кризис. Достаточно сказать, что в самом романе критикуется важнейший признак тоталитарного мышления — подавление инакомыслия:

> Страдания, раздоры и несчастья в далеком прошлом человечества всегда усугублялись ‹...› людьми, провозглашавшими себя в разных обличьях единственно знающими истину, считавшими себя вправе подавлять все несогласные с ними мнения, искоренять иные образы мышления и жизни [Ефремов 2000: 251–252].

Достижение высокого уровня развития общества в «Туманности Андромеды» было бы невозможно без эволюции самого человека, о которой в утопии говорится очень много и подробно. Антропологическая утопия вообще выступает ключевой частью художественного мира романа: не научно-технические изобретения сами по себе, а качественное изменение человека, рост его духовно-нравственных качеств стали причиной столь радикальных перемен в человеческом сообществе. Именно воспитание человека позволило обществу эры Великого Кольца перейти на новую ступень развития:

> Наша культура долго оставалась насквозь технической и только с приходом коммунистического общества окончательно встала на путь совершенствования самого человека, а не только его машин, домов, еды и развлечений [Ефремов 2000: 63].

Важнейшим интеллектуальным пластом утопии Ефремова были, конечно, не коммунистические мечтания европейских социал-утопистов, как утверждает К. Г. Фрумкин [2021], а в первую очередь мистико-научные искания русских космистов, что объясняется акцентом на межгалактических контактах в романе, который часто неверно интерпретируется исключительно как элемент science fiction. Так, одним из источников утопии Ефремова А. В. Юферова совершенно справедливо называет «Агнийогу» Н. К. Рериха: «Максимы “Живой этики” вдохновили писателя на создание целого нового народа не условно-фантастических, но осязаемореальных образов людей коммунистической Земли, помогли развернуть огромную панораму героических человеческих характеров уходящей в беспредельность спирали эволюции» [Юферова 1991: 44][4].

[4] Другая исследовательница творчества Ефремова, А. Ю. Сурина, делает на этом основании следующий вполне очевидный «вывод: в период, когда в СССР существовал запрет на публикацию и изучение философского наследия семьи Рерихов, космистские мировоззренческие идеи, заложенные в повестях и романах И. А. Ефремова,

Тема покорения космоса неразрывно связана с проблемой «победы над смертью», так волновавшей Н. Ф. Фёдорова и других утопистов антропокосмического течения. Именно поэтому один из героев романа Мвен Мас, к которому «с юности взывали ‹...› укором миллионы безымянных могил людей, побежденных неумолимым временем» [Ефремов 2000: 280], решается на свой рискованный эксперимент — отправку сигнала на далекую планету Эпсилон Тукана. Он собирается проверить работу новой установки на вершине тибетской горы, несмотря на всю опасность использования настолько мощной энергии, и движет им нереализованное желание бессмертия:

> Сроки пересылки в миллионы лет, недоступные для десятков тысяч поколений, означающие убийственное для сознания «никогда» даже для отдаленнейших потомков, могли бы исчезнуть от взмаха волшебной палочки [Там же: 213].

В этом эпизоде романа выражены сразу две важные идеи. Первая — раздвигание границ вселенной ценно отнюдь не само по себе, а вследствие стремления трансформировать мир вокруг себя. Новый источник энергии, используемый Мвеном Масом, играет роль субститута бессмертия, аналогом «победы над временем, над краткостью срока жизни, не позволяющей ‹...› проникать в отдаленные глубины пространства» [Ефремов 2000: 199], что возвышает человека нового мира над косной материей в традициях русского космизма: «Человечество, объединенное целью разгромить общего врага всего живого — смерть, совершит ряд изменений к лучшему, чтобы преобразовать мощные силы природы, направленные на распад и разрушение, в равные им созидательные силы» [Масинг-Делич 2020: 53]. Вторая — осознание новым человечеством того факта, что научные исследования необходимо держать под контролем. Как следует из трагического результата эксперимента Мвена Маса (тяжелые ранения Рена Боза, совместно с которым он выполнялся), общество еще «не доросло» до столь мощных источников энергии, и на Совете Звездоплавания принимается решение осудить ученого и приостановить такого рода эксперименты:

> Мудрость руководителя заключается в том, чтобы своевременно осознать высшую для настоящего момента ступень, остановиться и подождать или изменить путь [Ефремов 2000: 284].

Ситуация, в которую попадает Мвен Мас, как кажется, вызвана нетерпеливостью и повышенной эмоциональностью, однако в диалоге героя и историка Чары Нанди сообщается об обратной проблеме, которую человечество будущего еще не сумело преодолеть:

прежде всего в “Туманности Андромеды”, средствами литературы транслировали на широкую массовую аудиторию в доступной и понятной массовому читателю форме основные положения Учения Живой Этики семьи Рерихов» [Сурина 2013].

> Многое уже сделано, но все же интеллектуальная сторона у нас ушла вперед, а эмоциональная отстала... О ней надо позаботиться, чтобы ей не требовалась цепь разума, а подчас разуму — ее цепь [Ефремов 2000: 267].

Возможно, в этом причина неудачного эксперимента Мвена Маса, тем более что ученому показалось, что «на планете Эпсилон Тукана очень похожее и столь же прекрасное человечество больше позаботилось о совершенстве эмоциональной стороны психики» [Там же: 267]. Уровень духовно-нравственного развития земного человечества, каким бы высоким он ни казался нам, оказался ниже уровня духовно-нравственного развития человечества этой далекой планеты, что сделало невозможным всякий контакт даже при наличии новейших технологий. Это и есть перспектива дальнейшего совершенствования человечества Земли, само наличие которой принципиально отделяет утопию Ефремова от тоталитарных, герметичных и нарциссичных миров Мора, Кампанеллы и Бэкона. Этот мир еще не завершен, он стремится вдаль — туда, где сияют огни далекой Туманности Андромеды, олицетворения его «утопического горизонта».

4. Perpetuum mobile и «новые люди»: Н. Г. Чернышевский и Айн Рэнд

Практически одновременно с текстом И. А. Ефремова на другом конце земного шара, в США, был написан роман, на который также оказала влияние бэконовская модель утопии, — «Атлант расправил плечи» (Atlas Shrugged, 1957). Ее автор, философ Айн Рэнд, была эмигранткой, бежавшей из Советской России в 1926 г., перед началом сталинских репрессий. Она получила образование в дореволюционной гимназии М. Н. Стоюниной (Петроград) и в уже советском университете в Ленинграде. Помимо проповеди американского капитализма, ее философию и творчество характеризует сильное русское влияние, выразившееся в таком способе мышления и конструирования художественного, как «жизнетворчество». Главный роман Рэнд «Атлант расправил плечи» стал «настольной Библией» американских предпринимателей, а впоследствии ее герои стали символом «новых интеллектуалов» для предпринимателей всего мира, как в свое время герои романа Н. Г. Чернышевского «Что делать?» воплощали собой «новых людей», которым подражала молодежь Российской империи.

В контексте нашего исследования связь Айн Рэнд с Чернышевским кажется важной ввиду того, что оба писателя представили в своем творчестве новый источник энергии. Речь идет о perpetuum mobile, модель которого обнаруживается в архивных документах Чернышевского и описание которого присутствует в упомянутом выше романе Рэнд. На выставке «Вечное сияние чистого разума», прошедшей осенью 2022 г. в музее-усадьбе Н. Г. Чернышевского (Саратов), были представлены дневниковые записи писателя, которые свидетельствуют о том, что он не просто теоретизировал о создании perpetuum mobile, но делал расчеты и даже

создал макет двигателя нового типа. Как отмечает А. В. Семёнов, «Чернышевский мечтал облегчить труд низших классов, считая, что непомерный физический труд наравне с болезнями и смертью является препятствием для духовного развития людей» [Семёнов 2020: 192]. Немаловажно и второе замечание, высказанное в статье исследователя и заключающееся в том, что «идея о вечном двигателе — “машине” оказывается связанной с социальными изменениями — “переворотом”» [Там же]. Таким образом, русский мыслитель подчеркивал прямую связь между двумя эволюциями — энергетической и антропологической, полагая первую обязательным источником второй, а также постулировал взаимовлияние формы энергии и устройства общества.

Чернышевский выразил эти идеи и в художественной форме. В частности, в двух неоконченных рассказах «Кормило кормчему» и «Знамение на кровле (По рассказу очевидца)» (оба — 1871) он описывает создание оружия массового поражения на основе нового источника энергии, в котором сегодня легко узнается термоядерная. Альтер-эго писателя, Пожиратель Книг (ученый, который работает над созданием «вечного двигателя») размышляет:

> Мало у людей силы, чтобы делать столько работы, сколько нужно. (30) И у скота их мало силы; и дорого стоит содержать скот. (31) И выдумали люди пар, чтобы работать; и мало силы у пара, и дорого стоит топливо, чтобы делать пар. (32) И потому не могут люди наработать себе ничего столько, сколько нужно. И потому живут скудно [Чернышевский 1953: 341–342].

Здесь высказан главный постулат, который описывает связь между человеком и энергией: культура развивается только через увеличение количества энергии на человека за единицу времени и через повышение эффективности средств, с помощью которых энергия расходуется.

Чернышевский не просто предупреждал о возможности неэтичного использования средств научно-технического прогресса (это стало общим местом в научной фантастике XX в.) — он разными способами демонстрировал диалектику «энергетическое — антропологическое». В рассказе «Кормило кормчему» звучит такая мысль:

> Не потому бедность между людьми, что мало у них силы на работу, а потому, что нет правды между людьми. (34) И пока не будет правды между людьми, не поможет людям ничто [Чернышевский 1953: 342].

Иными словами, энергетический переход сам по себе не гарантирует процветание общества — необходимо отсутствие конфликтов между людьми. В «Четвертом сне Веры Павловны» из романа «Что делать?» (1863) эта идея звучит еще понятнее: «Нет, теперь еще не знают, что такое настоящее веселье, потому что еще нет такой жизни, какая нужна для него, и нет таких людей» [Чернышевский 1974: 383]. Только полное преображе-

ние человека сделает возможным свободную и счастливую жизнь человечества в преображенном с помощью новых источников энергии мире, описанном в утопическом эпизоде романа: «Они только стали умны, стали обращать на пользу себе громадное количество сил и средств, которые прежде тратили без пользы или прямо во вред себе» [Там же: 380].

Айн Рэнд «вписала» мотив «вечного двигателя» в свой главный роман ровно в той же логике диалектики «энергетическое — антропологическое». Первое упоминание perpetuum mobile в тексте содержит отсылку к загадочному заводу «Двадцатый век», на развалинах которого и обнаруживаются его обломки. Этот завод отсылает сразу к двум пространствам: пространству Текста (мастерские Веры Павловны из романа «Что делать?») и одновременно пространству Жизни (социальный эксперимент в СССР). Тенденция представлять социальные процессы в метафорической рамке технических процессов уходит корнями в традицию отождествления принципов изучения природы и социума: так, еще Р. Оуэн в утопическом проекте «общества новой нравственности» полагал естественно-математические науки основанием для «научной» организации общества [Павлова 2004: 239]. Социум будет функционировать как завод, как слаженно работающая мастерская по пошиву одежды — стоит лишь все устроить «умно, и больше ничего» [Чернышевский 1974: 169]. Развенчивая эту мнимую простоту, которая может стать реальностью лишь с помощью насилия над человеком, Рэнд последовательно излагает путь этого «человекозавода» к закономерному финалу, апогеем которого становится разрушение нового источника энергии. Вступая таким образом в полемику с Чернышевским, писательница исследует причины демодернизации, которые обнаруживает в порочном социальном устройстве и архаичной философии, не позволяющим совершиться энергетической эволюции[5].

Демодернизация коснулась того уголка Америки, куда в романе прибыли Дагни Таггерт и Хэнк Риарден в поисках руин завода «Двадцатый век»: «За городом, далеко в поле, неторопливо ходил человек, фигуру его искажало уродливое, неестественное напряжение: он тянул за собой плуг» [Рэнд 2009b: 361]. Обломки двигателя нового типа, который «мог бы привести в движение всю страну, вдохнуть в нее огонь» [Там же: 366], соседствуют с архаическим способом земледелия, который используют утопийцы в тексте Т. Мора, помещенные автором в максимально герметичную и лишенную даже шанса на технологическое развитие среду. Ор-

[5] В своей антиутопии «Гимн» (Anthem, 1934), сюжетно отсылающей к роману Е. И. Замятина «Мы», Рэнд в художественной форме покажет результаты обезличивания человека, которое отбрасывает цивилизацию на уровень развития средневекового общества. Открытие главным героем электричества не находит понимания в среде ученых этого мира: «Свечи — великое достижение человечества, одобренное всеми. И они не могут быть уничтожены из-за каприза одного человека ‹...› Пятьдесят лет ушло на одобрение Свечей всеми Советами ‹...› на то, чтобы изменить планы в связи с заменой свечами факелов» [Рэнд 2009a: 71–72]. Это иллюстрация механизма, работающего всегда одинаково: тип социальной системы, где личность человека ничего не значит и не стоит, сдерживает энергетическую эволюцию всего человечества.

ганизация социума в эксперименте, проведенном над людьми на заводе, делает невозможным внедрение нового источника энергии, ведь среда, которая создается через всеобщую уравниловку, буквально «выдавливает» из нее тех людей, которые обладают достаточными способностями для инновационных открытий.

Мотивом создания «вечного двигателя» у Рэнд, как и у Чернышевского, выступает эволюция человека через высвобождение у него времени на саморазвитие:

> Она (Дагни Таггерт. — *А. Г.*) не уставала восхищаться достижением человека, породившего новую энергию, представлявшего себе землю местом радости, а не гибельного, самоубийственного труда, но знавшего, что разумный труд по достижению этого счастья становится целью, мотивом и смыслом жизни [Рэнд 2009с: 42].

В логике писательницы, как и в логике Чернышевского, человек должен измениться, но исключительно через созидание и творчество, а не через насилие над его природой путем уравнивания с другими, не равными ему по интеллекту людьми. Глава «Атлантида» в последней части романа отсылает к модели «Новой Атлантиды» Ф. Бэкона: сообщество атлантов полностью состоит из интеллектуалов. У Рэнд научно-технократическое измерение утопии, свойственное тексту Бэкона, органично соединено с практическим, что объясняется стремлением к синтезу и преодолению разрыва между «ценностной» и «практической» типами рациональности, унаследованными ею от русской культуры.

Атлантида, где оказывается реализован проект «вечного двигателя», представляет собой «утопию традиционной Америки» [Баталов 1982: 275–278] — государство, максимально деполитизированное и при этом капиталистическое. Электростанция, которая снабжает энергией всю долину Джона Голта (изобретателя этого нового источника энергии), является символическим центром этой долины — это «продукт гениального разума, обретший форму в сети проводов, мирно потрескивавших под летним небом, втягивающий несметную энергию пространства внутрь крохотного каменного домика» [Рэнд 2009с: 42]. Она же определяет собой общественно-политическое устройство Атлантиды, которое возможно только при условии изменения природы человека.

Тесная связь этого нового источника энергии с новым сознанием человека подчеркивается через невозможность открыть дверь энергоблока, которая «не поддается никакой физической силе. Открывается она только мыслью» [Рэнд 2009с: 43]. В дверь встроен акустический замок, открываемый паролем-клятвой «Клянусь своей жизнью и любовью к ней, что никогда не буду жить для кого-то другого и не попрошу кого-то другого жить для меня» [Там же: 42]. Этот девиз «разумного эгоизма», частично заимствованный Рэнд у Чернышевского, знаменует собой новый тип модернизации, которого не было в утопии Бэкона. Сочетание трансформации человека (синтез теоретического и практического начал) с трансфор-

мацией энергетической парадигмы «новейшей Атлантиды» у Рэнд служит целям конструирования нового мира.

В «старом мире» новый источник энергии тоже известен, предсказуемо (как и в рассказах Чернышевского) став орудием массового уничтожения людей: установка «Ксилофон», разработанная в рамках «проекта Икс», напоминает звуковое оружие. Не случайно поэтому, что атланты, как и ученые в «Новой Атлантиде» Бэкона, скрывают свои научные открытия от внешнего мира: идея контроля над научными разработками, который должен осуществляться до момента эволюционного изменения человеческих качеств, оказывается заложена в сердцевине концепции утопии Рэнд. Согласно ей, все инновации принадлежат integrated man — человеку целостному, атланту, несущему за них ответственность и умеющему их использовать во благо себе и другим людям. В финале же романа атланты возвращаются в погибающий в хаосе демодернизации мир, который, обнаруживая в себе самом зло, сам же себя и разрушает — но лишь затем, чтобы быть возрожденным уже в новом качестве.

5. «Изменись или исчезни»: экологическая утопия К. С. Робинсона «Министерство будущего»

Тема возрождения мира из апокалиптического тупика оказывается актуальной и в современной литературе, которая, как уже стало общим местом, утопий (ставших, скорее, инвективой) не производит. Американский писатель К. С. Робинсон в своем романе «Министерство будущего» (The Ministry for the Future, 2020) делает неожиданную попытку вернуться к утопическим идеям прошлого, но на новейшем философском и проблемном материале. Актуальность романа подтверждается благоприятным отзывом Билла Гейтса, автора книги «Как нам избежать климатической катастрофы» (2021), охарактеризовавшего его как текст, в котором детально описаны последствия неспособности серьезно относиться к изменениям климата [Gates 2022]. Кроме того, в романе затрагивается тема перехода на «чистые» источники энергии, поэтому она представляет интерес в рамках нашего исследования.

Философский бэкграунд романа Робинсона, несомненно, отсылает к политико-экологическим работам Дж. Лавлока, Б. Латура, М. Серра. «Гипотеза Геи», впервые предложенная Дж. Лавлоком [Lovelock 2000], предлагает рассматривать Землю в качестве живого организма, а в интерпретации Б. Латура Гея получает статус субъектности [Latour 2017]. М. Серр в книге «Договор с природой» (1990) развивает идею возведения Природы в ранг правового субъекта, обосновывая ее тем, что сегодня человек «становится физической переменной, влияющей на мир через сеть взаимодействия сил и слабостей. Он больше не поглощается, как не имеющая размеров точка, он существует как некое целое, преодолевая локальное и занимая огромные тектонические плиты. Его можно видеть из космоса, как океаны планеты. Он может не только вооружиться и раздавить этот мир благодаря своим наукам и технологиям или найти средства для его

контроля, но и надавить на него массой одного своего присутствия...» [Серр 2022: 54]. Нетрудно заметить, что Серр выражает здесь представление о человечестве как о едином организме, составные части которого уже не важны и которыми можно пренебречь в ситуации глобальной природной катастрофы. Это допущение открывает простор для разного рода злоупотреблений, которые уже описаны в классических (и не очень) антиутопиях — от «Мы» Е. И. Замятина до «Сферы» Д. Эггерса.

Однако «Министерство будущего» — роман, который отсылает скорее к ранним утопиям, в которых, например, уделяется внимание регулированию численности населения в целях равновесия с природой (Т. Мор), чем к антиутопиям XX в. Человечество должно сплотиться перед лицом надвигающейся климатической катастрофы: именно этот мотив становится ведущим в конструировании нового мира, в котором проигранная война с Природой становится причиной для установления над миром глобального контроля в лице организации, именем которой назван текст. В конечном счете благие намерения утопистов в этом романе оборачиваются тем же, чем и всегда: «Если экологический баланс (а не благо человека) становится важнейшей ценностью, то является морально оправданным устранение того, кто это баланс нарушает — человека» [Сычев 2018: 58]. Устранение несогласных с политикой Министерства даже не скрывается автором, а представляется закономерным и неизбежным: для этого существует так называемый тайный отдел, о существовании которого, впрочем, лишь догадывается главный министр Мэри (что словно бы снимает с нее ответственность за преступления, совершаемые организацией). Однако в том, что этот тайный отдел существует, сомнений не возникает, так как на страницах романа красочно описаны способы кровавого устранения олигархов, не согласных с мерами по снижению карбонового следа.

О том, что изменение мышления человека, выросшего в современном обществе потребления, не будет простым и легким, пишет А. Е. Эткинд: «Речь идет о глубоко непопулярных мерах; никто не знает, как их проводить в демократических обществах в мирное время. Климатическая катастрофа начнется через двадцать лет, а воздерживаться надо сейчас; люди не настолько рациональны, чтобы это делать. Наводнения начнутся в условной Голландии, а воздерживаться от мяса и бензина надо и в условной Швейцарии; люди не настолько добры, чтобы это делать» [Эткинд 2020: 473]. Именно «непопулярные меры» и принимаются Министерством будущего, учрежденном в Цюрихе в 2025 г. «Великая жара» приходит сначала в Индию, но ограничить потребление углеводородов необходимо всему миру: в этом факте кроется глобальная взаимосвязь всех со всеми, которая стала реальностью. Но эта всеобщая взаимосвязь еще не осознана человеком, привыкшим мыслить категориями «свое — чужое». И снова речь идет о новом типе культуры, который рождается с изменением доминирующего источника энергии (от эпохи углеводородов к гипотетической эпохе «зеленой» энергетики) — о культуре, которая меняет сознание человека, в то же самое время творясь им же. В утопии Ефремова «Туманность

Андромеды» процесс изменения сознания человека занял века, Робинсон же предлагает человечеству проделать эту работу за пару лет (мотивируя тем, что у людей просто нет времени ждать, ведь природа уже занесла свой дамоклов меч над цивилизацией), что, конечно, можно осуществить только через насилие.

Отличительной особенностью организации, которая позиционируется как Министерство будущего (т. е. как министерство, отвечающее за образ будущего), выступает ее явная прогрессистская направленность:

> Этот новый Вспомогательный орган ‹...› отвечает за защиту всех живых существ настоящего и будущего, которые не могут говорить за себя, путем утверждения их правового статуса и содействия их физической защите [Робинсон 2021: 22].

Будущие поколения обретают правовой статус, становясь полноправными участниками юридических отношений, а данное министерство берет на себя ответственность представлять интересы тех людей, которых еще даже нет в живых. Эта коллизия плавно переводит повествование, которое явно мыслится автором в рамках утопии, в антиутопическую плоскость. Не случайны поэтому и напрашивающиеся параллели с оруэлловскими Большим Братом и Министерством правды (и министерствами других абстрактных категорий). Постулируемое «благо большинства» здесь заменяется на «благо нерожденных», что по сути одно и то же в своей объектной неопределенности.

В попытке придать субъектность природе, защите которой вроде бы и посвящен роман, Робинсон прибегает к приему олицетворения, дав возможность «говорить», например, фотону: «Я мчусь, я излучаюсь. Я несусь, я свечусь. Выпущенный на волю, я торкаюсь в центре солнца миллионы лет, прежде чем выскочить на поверхность и улететь прочь» [Робинсон 2021: 231]. При этом характеры людей обрисованы на удивление слабо: кроме повествования о министре Мэри, нам подробно рассказывают только о судьбе американца Фрэнка, получившего посттравматическое расстройство во время «Великой жары» в Индии, где он был волонтером. Небольшие зарисовки из жизни ученых, работающих в ледниках Антарктиды, безымянной девушки, пережившей наводнение в Калифорнии, или такой же безымянной арабской беженки, оказавшейся в швейцарском лагере, не содержат детальных психологических портретов. Таким образом, правомерно говорить о возрождении в романе Робинсона традиции тоталитарных обезличивающих нарративов. Миссия по спасению будущих поколений, возложенная на Министерство будущего, полностью заслонила собой нужды поколений нынешних: утопия, сделав круг, вернулась к своему истоку.

Заключение

Проследив динамику развития темы «энергетическая эволюция и человек» в утопии от ранних текстов к современным, следует констатировать, что в них иллюстрируется одна и та же ситуация взаимозависимости уровня развития утопического общества и используемых в этом обществе источников энергии. Представленная в этой работе выборка текстов намечает основные этапы развития мировой утопической мысли, пунктирно обрисовывая вектор движения от технологической стагнации в герметичном тоталитарном обществе «малого формата» в ранних западноевропейских утопиях к претензиям на переход к «зеленой» энергетике путем формирования уже мирового тоталитарного государства в современной американской литературе (когда модернизация подменяется деиндустриализацией).

Модернизация, даже присутствуя в ранних западноевропейских утопиях, никогда не становится всеобщей, игнорируя изменение сознания человека. При этом русские утопии Нового времени (к которым следует отнести и тексты Айн Рэнд, русской эмигрантки), наследуя модели Ф. Бэкона, отмечены мотивом трансформации человека. Переходу на новый технологический уровень развития цивилизации в них предшествует качественное изменение нравственности, морали и этики человечества, и это изменение никогда не происходит одномоментно. Оно всегда связано со сложными процессами внутри самого общества, как правило вызванными катастрофами мирового масштаба. Однако равновесие внутри системы всегда сохраняется, что и позволяет авторам утопий конструировать счастливое будущее, которое сегодня кажется невозможным, но столь желанным.

Возврат в литературу утопических проектов (одна из первых ласточек — проанализированный роман К. С. Робинсона) свидетельствует о достаточно тревожных тенденциях в массовом сознании на Западе. Тревожность отнюдь не исчерпывается самим фактом возрождения утопии как метанарратива, но обеспечивается реальностью опасности климатической катастрофы, которую предлагается предотвратить архаическим способом — через насилие, несмотря на то что этот способ дискредитировал себя еще в прошлом веке.

Источники

Бэкон 2022 — *Бэкон Ф.* Новая Атлантида // Классическая утопия: [Сб.: Переводы] / Т. Мор, Т. Кампанелла, Ф. Бэкон, С. Де Бержерак М.: АСТ, 2022. С. 225–274.

Ефремов 2000 — *Ефремов И. А.* Туманность Андромеды. М.: ОНИКС, 2000.

Кампанелла 1989 — *Кампанелла Т.* Город Солнца // Зарубежная фантастическая проза прошлых веков. Социальные утопии / Пер. с лат., англ., фр.; Сост., вступ. ст., примеч. И. Семибратовой. М.: Правда, 1989. С. 133–188.

Мор 1989 — *Мор Т.* Золотая книга, столь же полезная, как забавная, о наилучшем устройстве государства и о новом острове Утопии // Зарубежная фантастическая

проза прошлых веков. Социальные утопии / Пер. с лат., англ., фр.; Сост., вступ. ст., примеч. И. Семибратовой. М.: Правда, 1989. С. 19–130.

Робинсон 2021 — *Робинсон К. С.* Министерство будущего / Пер. с англ. С. Рюмина. М.: Эксмо, 2021.

Рэнд 2009a — *Рэнд А.* Гимн / Пер. с англ. Д. В. Костыгин. М.: Альпина Паблишерз, 2009.

Рэнд 2009b — *Рэнд А.* Атлант расправил плечи: В 3 ч. Ч. 1: Непротивление / Пер. с англ. Ю. Соколова, В. Вебера, Д. Вознякевича. М.: Альпина Бизнес Букс, 2009.

Рэнд 2009c — *Рэнд А.* Атлант расправил плечи: В 3 ч. Ч. 3: А есть А / Пер. с англ. Ю. Соколова, В. Вебера, Д. Вознякевича. М.: Альпина Бизнес Букс, 2009.

Чернышевский 1953 — *Чернышевский Н. Г.* Кормило кормчему // Чернышевский Н. Г. Полн. собр. соч.: В 15 т. Т. 16 (дополнительный). М.: Гос. изд-во худ. лит., 1953. С. 338–350.

Чернышевский 1974 — *Чернышевский Н. Г.* Что делать? Из рассказов о новых людях // Чернышевский Н. Г. Собр. соч.: В 5 т. Т. 1. М.: Правда, 1974. С. 3–455.

Литература

Баталов 1982 — *Баталов Э. Я.* Социальная утопия и утопическое сознание в США. М.: Наука, 1982.

Геллер, Никё 2003 — *Геллер Л., Никё М.* Утопия в России / Пер с фр. И. Булатовского. СПб.: Гиперион, 2003.

Каспэ 2018 — *Каспэ И.* В союзе с утопией: Смысловые рубежи позднесоветской культуры. М.: Нов. лит. обозрение, 2018.

Масинг-Делич 2020 — *Масинг-Делич А.* Упразднение смерти: Миф о спасении в русской литературе XX века / [Пер. с англ. М. Абушика]. СПб.: Academic Studies Press; БиблиоРоссика, 2020.

Павлова 2004 — *Павлова О. А.* Метаморфозы литературной утопии: теоретический аспект. Волгоград: Волгоградское науч. изд-во, 2004.

Печчеи 1985 — *Печчеи А.* Человеческие качества / Пер. с англ. О. В. Захаровой. М.: Прогресс, 1985.

Семёнов 2020 — *Семёнов А. В.* Поиски истины, или Вечный двигатель Н. Г. Чернышевского // Пропагандист великого наследия: Сб. науч. тр. и материалов / Отв. ред. Е. В. Степанова. Саратов: Амирит, 2020. С. 190–196.

Серр 2022 — *Серр М.* Договор с природой / Пер. с фр. С. Рындина. СПб.: Изд-во Европ. ун-та в Санкт-Петербурге, 2022.

Сурина 2013 — *Сурина А. Ю.* Космизм Ивана Ефремова в контексте учения Живой Этики // Космічне мислення в сучасному світі: Матеріали Міжнар. наук.-громад. конф., м. Київ, 6–7 груд. 2013 р. / [Редкол.: С. Л. Крук (гол. ред.) та ін.]. Хмельницький: Хмельниц. обл. центр Всеукр. культур.-освіт. асоц. Гуман. Педагогіки [та ін.], 2013. [Цит. по электрон. републикации: Иван Антонович Ефремов. URL: http://www.i-efremov.ru/publikacii/kosmizm-ivana-efremova-v-kontekste-ucheniya-zhivoy-etiki.html].

Сычев 2018 — *Сычев А. А.* Экотопия и мораль // Ведомости прикладной этики. № 52. 2018. С. 47–62.

Фрумкин 2021 — *Фрумкин К. Г.* Соблазны «Туманности Андромеды»: Лейтмотивы коммунистической утопии от Томаса Мора до Ефремова и Стругацких. М.: ЛЕНАНД, 2021.

Шафаревич 1977 — *Шафаревич И. Р.* Социализм как явление мировой истории. Париж: YMCA-Press, 1977.

Эткинд 2020 — *Эткинд А.* Природа зла. Сырье и государство. М.: Нов. лит. обозрение, 2020.

Юферова 1991 — *Юферова А. В.* Иван Ефремов и «Агни Йога» // Наука и религия. 1991. № 4. С. 40–44.

Gates 2022 — *Gates B.* A scary but hopeful novel about climate change: Kim Stanley Robinson's *The Ministry for the Future* // GatesNotes: The Blog of Bill Gates. 2022. June 6. URL: https://www.gatesnotes.com/The-Ministry-for-the-Future?WT.mc_id=20220611130000_SummerBooks2022_BG-TW_&WT.tsrc=BGTW.

Latour 2017 — *Latour B.* Facing Gaia: Eight lectures on the new climatic regime. Cambridge: Polity, 2017.

Lovelock 2000 — *Lovelock J.* Gaia: A new look at life on Earth. Oxford: Oxford Univ. Press, 2000.

Smil 2004 — *Smil V.* World history and energy // Encyclopedia of energy. Vol. 6 / Ed. by C. C. Cleveland. Amsterdam: Elsevier, 2004. P. 549–561.

White 1943 — *White L. A.* Energy and the evolution of culture // American Anthropologist. Vol. 45. No. 3. Pt. 1. 1943. P. 335–356.

References

Batalov, E. Ia. (1982). *Sotsial'naia utopiia i utopicheskoe soznanie v SShA* [Social utopia and utopian consciousness in the USA]. Nauka. (In Russian).

Etkind, A. (2020). *Priroda zla. Syr'e i gosudarstvo* [The nature of evil. Raw materials and the state]. Novoe literaturnoe obozrenie. (In Russian).

Frumkin, K. G. (2021). *Soblazny "Tumannosti Andromedy": Leitmotivy kommunisticheskoi utopii ot Tomasa Mora do Efremova i Strugatskikh* [The temptations of "Andromeda Nebula": The leitmotifs of Communist Utopia from Thomas More to Efremov and Strugatsky]. LENAND. (In Russian).

Gates, B. (2022, June 6). A scary but hopeful novel about climate change: Kim Stanley Robinson's *The Ministry for the Future*. *GatesNotes: The Blog of Bill Gates*. https://www.gatesnotes.com/The-Ministry-for-the-Future?WT.mc_id=20220611130000_SummerBooks2022_BG-TW_&WT.tsrc=BGTW.

Heller, M., & Niqueux M. (1995). *Histoire de l'utopie en Russie*. Presses Universitaires de France..

Iuferova, A. V. (1991). Ivan Efremov i "Agni Ioga" [Ivan Efremov and "Agni Yoga"]. *Nauka i religiia, 1991*(4), 40–44. (In Russian).

Kaspe, I. (2018). *V soiuze s utopiei: Smyslovye rubezhi pozdnesovetskoi kul'tury* [In the union with utopia: Semantic boundaries in late Soviet culture]. Novoe literaturnoe obozrenie. (In Russian).

Latour, B. (2017). *Facing Gaia: Eight lectures on the new climatic regime*. Polity.

Lovelock, J. (2000). *Gaia: A new look at life on Earth*. Oxford Univ. Press.

Masing-Delic, I. (1992). *Abolishing death: A salvation myth of Russian twentieth-century literature*. Stanford Univ. Press.

Pavlova, O. A. (2004). *Metamorfozy literaturnoi utopii: teoreticheskii aspect* [Metamorphoses of literary utopia: The theoretical aspect]. Volgogradskoe nauchnoe izdatel'stvo. (In Russian).

Peccei, A. (1977). *The human quality*. Pergamon Press.

Semenov, A. V. (2020). Poiski istiny, ili Vechnyi dvigatel' N. G. Chernyshevskogo [The search for truth, or N. G. Chernyshevsky's Perpetuum Mobile]. In E. V. Stepanova (Ed.) / *Propagandist velikogo naslediia: sbornik nauchnykh trudov i materialov* (pp. 190–196). Amirit. (In Russian).

Serres, M. (2018). *Le Contrat Naturel*. Le Pommier.

Shafarevich, I. R. (1977). *Sotsializm kak iavlenie mirovoi istorii* [Socialism as a phenomena of world history]. YMCA-Press. (In Russian).

Smil, V. (2004). World history and energy. In C. C. Cleveland (Ed.). *Encyclopedia of energy* (Vol. 6, pp. 549–561). Elsevier.

Surina, A. Iu. (2013). Kosmizm Ivana Efremova v kontekste ucheniia Zhivoi Etiki [Ivan Efremov's cosmism in the context of The Living Ethics teaching]. In S. L. Kruk et al. (Eds.). *Kosmichne myslennia v suchasnomu sviti: Materialy Mizhnarodnoĭ naukovo-hromads'koĭ konferentsiï, m. Kyïv, 6–7 hrud. 2013 r.* Khmel'nyts'kyĭ oblasnyĭ tsentr Vseukraïns'koĭ kul'turno-osvitn'oĭ asotsiatsiï Humannoĭ Pedahohiky (republ. at http://www.i-efremov.ru/publikacii/kosmizm-ivana-efremova-v-kontekste-ucheniya-zhivoy-etiki.html). (In Russian).

Sychev, A. A. (2018). Ekotopiia i moral' [Ecotopia and morality]. *Vedomosti prikladnoi etiki, 52*, 47–62. (In Russian).

White, L. A. (1943). Energy and the evolution of culture. *American Anthropologist, 45*(3, pt. 1), 335–356.

* * *

Информация об авторе

Анастасия Васильевна Григоровская
доктор филологических наук
научный сотрудник, Международная лаборатория исследований русско-европейского интеллектуального диалога, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»
Россия, 105066, Москва, Старая Басманная ул., д. 21/4
✉ *agrigorovskaya@hse.ru*

Information about the author

Anastasiya V. Grigorovskaya
Dr. Sci. (Philology)
Research Assistant, The International Laboratory for Research on Russian-European Intellectual Dialogue, HSE University
Russia, 105066, Moscow, Staraya Basmannaya Str., 21/4
✉ *agrigorovskaya@hse.ru*